

Оглавление

Введение. Неисчерпаемый источник	5
Глава 1. Прометей	20
Глава 2. Медея	46
Глава 3. Дедал и Икар	72
Глава 4. Амазонки	99
Глава 5. Эдип	128
Глава 6. Суд Париса	161
Глава 7. Подвиги Геракла	192
Глава 8. Орфей и Эвридика	233
Глава 9. Заключение	263
Благодарности	266
Источники иллюстраций	267
Список библиографических сокращений	269
Примечания	271
Вклейка	288

Неисчерпаемый источник

Истории, которые мы называем «греческими мифами», возникли около трех тысяч лет назад, во времена Эгейской цивилизации, когда *полис* (город-государство) — характерная для I тысячелетия до н. э. форма организации общества — еще только зарождался. Несмотря на столь скромное происхождение (из небольших сообществ), эти истории распространились невероятно широко. Благодаря необычайным победам Александра Македонского они разошлись по эллинистическим государствам Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока — и укрепили славу завоеваний Александра. Когда же эти территории подчинились римской власти, римляне переделали греческие мифы под свои нужды. В течение столетий, последовавших за падением Римской империи, эти предания адаптировались и стали частью позднеантичной, средневековой и ренессансной европейской культуры, а затем распространились дальше на восток и запад — вследствие захватнической и исследовательской деятельности европейцев. В итоге они вышли за границы Европы и обрели мировое значение как убедительное образное средство выражения самых разных мыслей и чувств.

Сегодня трудно представить себе интеллектуальный спор, нравственную дилемму или политический кризис, которые не давали бы повода вспомнить тот или иной греческий миф. Как только в 1970-е годы появилась гипотеза о взаимном влиянии

живых организмов и их неорганической среды обитания, в ее название естественным образом легло имя Геи, греческой богини Земли. Когда одним прекрасным утром в середине 2010-х годов британскому премьер-министру взбрело в голову организовать референдум, чтобы решить, стоит ли Соединенному Королевству оставаться в Евросоюзе, многие комментаторы провели аналогию с опрометчивой Пандорой, которая выпустила все беды мира, открыв свой ящик (хотя в греческом варианте мифа речь шла не о ящичке, а о большом сосуде). Если бы океанский лайнер «Титаник», космическая программа «Аполлон», международная корпорация Amazon, бренд спортивной одежды Nike, производитель дезинфицирующих средств Ajax, шелковые шарфы Hermès и Heracles General Cement Company со штаб-квартирой в Афинах решили обойтись без имен своих мифических предтеч, кто знает, как бы они стали называться. Греческая мифология и по сей день остается кладезем названий для бизнеса, рекламы и маркетинга. Прибавьте к этому заметное присутствие греческих мифов практически во всех художественных явлениях современности — от пьес и поэм до комиксов и видеоигр, — и станет ясно: древние истории еще не растеряли своей силы, удивительной для их почтенного возраста.

Однако живучесть эта подвергалась испытаниям. В разные эпохи и по разным причинам мифологию классической Античности — ту, которую поэт Филип Ларкин во всеуслышание окрестил «потрепанной кошкой», — откровенно отвергали¹. Одной из причин подобного отношения была приписываемая мифам безнравственность, о которой уже во II–III веках н. э. свидетельствовал христианский богослов Климент Александрийский, возмущенный, помимо прочего, идеей о том, что к рождению богини Афродиты причастны отсеченные гениталии бога Урана². Другая распространенная реакция — осмеяние. В 1712 году Джозеф Аддисон глаумился над повсеместным обращением современных поэтов к «нашим Юпитерам и Юнонам» («форменное ребячество, непростительное

для поэта старше шестнадцати»); десятилетие спустя французский философ Бернар де Фонтенель окрестил мифы «сборищем химер, галлюцинаций и несурзностей»³. Среди недавних шагов можно назвать попытку заклеить не только греческие мифы, но и изучение двух языков, на которых они изначально передавались, — как привилегию отжившей свое самодовольной культурной элиты, особенно в Европе и Северной Америке. Однако, невзирая на всю эту критику, мифы выстояли. Объяснение этого феномена идет гораздо дальше социального престижа, который способен заработать человек, ссылаясь на мифы, — даже с учетом высокого статуса «классики», традиционно поддерживаемого в обществе. Куда значимее поразительная способность мифов адаптироваться, подобно хамелеону, которую обеспечивают широта и глубина понимаемых в них вопросов. Греческие мифы — словно мысленные эксперименты, имеющие значение практически для каждого без исключения человека, независимо от его финансового положения и культурного уровня. Цель данной книги — продемонстрировать это серией предметных исследований. Но прежде, дабы подготовить почву, обратимся к миру Древней Греции, изучим среду, в которой впервые проводились такие эксперименты, и выявим наиболее важные из исследуемых тем.

Пространство мифотворчества

Мифы были укоренены в древнегреческом обществе. Бабушки и дедушки, родители и няни рассказывали эти истории детям дома, а те учились пересказывать их в школе. Мифические сюжеты изображали на декорированных сосудах («вазах»), которые использовались для разнообразных хозяйственных целей. Поэты, ораторы, философы и историки цитировали их, приводя примеры нравственного поведения — которому стоило следовать либо которого требовалось избегать. Помимо того, их рассматривали как свидетельства реальных и значимых событий прошлого. Они являлись предметом чрезвычайно серьезным и одновременно таким, который легко

помещался в контекст бурного веселья и даже крайней непристойности. Не существовало ни одного жизненного аспекта, который не затрагивали бы мифы⁴.

В частности, мифы были неразрывно связаны с религией. Так, изображение битвы между героическими лапифами и полуконями — кентаврами — древнегреческий художник вырезал на мраморных метопах (метопа — прямоугольная плита, элемент фриза) с южной стороны Парфенона, расположенного на афинском Акрополе. Скитания Деметры, отправившейся на поиски Персефоны — своей дочери, похищенной богом смерти Аидом, — запечатлены на каменных рельефах и керамических вазах, найденных на месте проведения мистерияльного культа, который отправлялся в Элевсине. Сюжет с участием перевозчика Харона и бога Гермеса, переправлявших души умерших в царство мертвых, регулярно появляется на сосудах, известных как лекифы, — наполненные оливковым маслом, эти вазы приносили в качестве дара на могилы усопших. Кроме того, мифы рассказывали на ритуальных празднествах, устраиваемых в честь богов. Яркий пример — проводившийся в Афинах городской праздник Великие Дионисии, во время которого в честь бога Диониса разыгрывали трагедии, практически все основанные на мифах. И последнее, но не менее значимое: боги и герои, чьи деяния воспевают рассказчики мифов, — в большинстве своем те же боги и герои, которым поклонялись в храмах по всему греческому миру.

Повсеместное распространение мифов не сократилось, даже когда Греция подчинилась военной мощи Рима. Скрупулезные записи Павсания о его путешествиях по эллинским землям — «Описание Эллады», датируемое II веком н. э., — чуть ли не в каждом абзаце содержат характеристику местности, здания или сакрального предмета, которые находятся в том или ином месте и каким-то образом связаны с мифологией. Один из нескольких тысяч таких примеров касается героя-основателя небольшого сообщества в Лаконии:

В местечке, называемом Араином, есть могила Ласа, и на ней, как памятник, стоит статуя. Говорят, что этот Лас первый поселился в этой стране и, по преданию, был убит Ахиллом, когда, по рассказам местных жителей, он прибыл в их страну просить у Тиндарея Елену себе в жены. Но если говорить правду, то Ласа убил Патрокл; он же и сватался за Елену*⁵.

Учитывая фразу «по рассказам местных жителей», можно предположить, что статуя, установленная на могиле на юге Пелопоннеса и увиденная Павсанием лично, косвенным образом связана с событиями, которые, как считается, произошли до Троянской войны, — тогда несколько величайших героев Греции добивались от Тиндарея руки Елены (Тиндарей — муж Леды, матери Елены, хотя многие рассказчики мифов приписывают истинное отцовство Зевсу). Поскольку греческая мифология была максимально далека от строгих догматов фундаменталистов, Павсаний не стеснялся редактировать показания своих информаторов («Но если говорить правду, то...»); однако его версия, как и их, предполагает связь между событиями давно минувших дней и современной ему святыней. История о сватовстве к Елене, как и множество других мифов, была перенесена в священное место и тем самым получила обновление и подтверждение.

О чем — в понимании греков — рассказывали мифы?

Прежде всего мифы затрагивали темы семьи. Этот общечеловеческий институт отражен в бесчисленных греческих сказаниях, а сильные чувства, возникающие между членами семьи, нередко драматизируются и гиперболизируются. В «Илиаде» Гомера эмоциональные связи между поколениями, объединяющие правящую семью Трои: Приама и Гекубу, их сына Гектора с женой Андромедой и внука Астианакта, — воплощают жизненный идеал, который

* Пер. С. П. Кондратьева.

уравновешивает суровые превратности войны, вызванные греческим вторжением. В «Одиссее» подобная же прочная связь соединяет Одиссея с его отцом Лаэртом и сыном Телемахом. Среди богов отношения родителей и детей также могут быть заряжены положительной силой, как в случае Деметры и Персефоны: мать лишила землю плодоношения до тех пор, пока ей не вернули (хотя и временно) ее дочь. Однако более многочисленны мифы, показывающие конфликтные детско-родительские отношения: Кронос оскотил собственного отца Урана и был, в свою очередь, свергнут сыном Зевсом; Эдип убил отца и проклял своих сыновей; Медея и Геракл погубили собственных детей; Агамемнон согласился на заклятие («принесение в жертву») своей дочери Ифигении. Не менее напряженными выглядят отношения братьев и сестер. Борьба за трон в Микенах между братьями Атреем и Фиестом привела к ужасающему акту мести: Атрей умертвил маленьких сыновей Фиеста, приказал приготовить их и подал к столу ничего не подозревавшему отцу. Среди сестер солидарности, как правило, больше. Когда царь Терей изнасиловал сестру своей жены и лишил ее языка, дабы она не рассказала о случившемся, девушка вышла эту историю на ткани и отправила ее сестре. Вдвоем они подвергли Терее жуткому каннибальскому наказанию, схожему с тем, что пришлось пережить Фиесту. Что до отношений внутри пар, то и они принимают разнообразные и нередко крайние формы; разлад между супругами — излюбленная тема мифов. Измена Елены с троянским царевичем Парисом привела к тому, что обманутый муж Менелай отправил греческие войска на осаду Трои. Когда Агамемнон привез из Трои поработленную царевну Кассандру, чтобы разделить с ней ложе, его жена Клитемнестра уже успела завести себе любовника — такой вот ядовитый коктейль неверности. Неверность не была уделом одних лишь смертных. Зевс снова и снова изменял Гере, а любовная связь Афродиты и Ареса привела к скандальной сцене: безмятежные любовники запутались на постели в практически невидимой сети, выкованной обманутым

супругом Гефестом, покровителем ремесленников. Отношения Одиссея и Пенелопы, напротив, выглядят на первый взгляд идеальными, как следует из гомеровской «Одиссеи». Однако же пара воссоединилась только после долгих сексуальных походов героя — с Калипсо и с Киркой, а также после флирта (целомудренного) с принцессой Навсикаей, мечтавшей о замужестве. Психология взаимоотношений полов — одна из самых сложных и ярких тем в мифологии.

Другой важный мотив — встреча смертных с чем-то (или кем-то) чуждым и странным, словом, с «иным» (термин, который, надо признать, является академическим жаргонизмом, однако весьма *осмысленным*). В рамках общей закономерности герой — некто, принадлежащий к особой категории смертных, чье поведение способно преодолеть границы человеческих возможностей, — сталкивается с физически уродливым противником или существом, представляющим собой фантастический гибрид: Персей и горгона Медуза со змеями вместо волос; Беллерофонт и Химера — помесь льва, козы и змеи; Одиссей и устрашающая Сцилла с шестью головами и лающими собаками, опоясывающими ее чресла. Способность преодолеть подобные угрозы — одна из отличительных черт героя. Однако не только монстры воплощают в себе все странное: инакость зиждется и в самих богах. В частности, Дионис — божество, навлекающее *ekstasis*, «экстаз» (буквально: состояние «пребывания вовне»), на тех, кто попадает под его влияние. Это классический пример бога-отщепенца, чья сила распространяется гораздо дальше виноградарства и способна подчинять себе человеческое сознание. Инакость также черта многих других богов, например козлоногого Пана и притягательной Афродиты (олицетворения эротической страсти, схожей с помешательством), равно как и самого Зевса. Когда любовница Зевса Семела настояла на том, чтобы он овладел ею во всем блеске своего величия, главный из богов сделал это в сопровождении — или даже в воплощении — грома и молний, при этом испепелив Семелу. Зевс — чрезвычайно

Медея

На первый взгляд трудно найти двух мифологических персонажей, более непохожих друг на друга, чем Прометей и Медея. Прометей — мужчина; божество, втянутое в великое противостояние с другими богами за верховную власть над космосом; главное действующее лицо во всеобщей истории происхождения и развития человечества; обездвижен на вершине горы. Медея — женщина; иногда наделяется божественными свойствами, но чаще представляется вовлеченной в чисто человеческие страсти; упоминается в целом ряде разрушительных отношений, поскольку, находясь в постоянном движении, переходит из одной семьи в другую. И все же у Прометея и Медеи есть кое-что общее — нечто, связанное с их именами. Оба имени включают в себя греческий глагол *mēdomai*, означающий «я планирую», «я затеваю», «я задумываю». Но если Прометей — Тот, Кто Предвидит, то Медея — Та, Кто Замышляет.

Всегда в движении

Медея была внучкой солнечного бога Гелиоса и дочерью Ээта, правителя Эи — царства близ восточного берега Черного моря, которое обычно идентифицируют с Колхидой. События, произошедшие в Эе, великолепно описаны поэтом Аполлоном Родосским в его «Аргонавтике» (III в. до н. э.), и мы будем во многом опираться на этот текст. Эя славилась тем, что в ней находилось

чудесное Золотое руно — талисман, ревностно охраняемый Ээтом (изначально руно принадлежало волшебному летающему барану, который перенес по воздуху в безопасное место брата и сестру, убежавших от своей злой мачехи). Когда Ясон и его приятели-аргонавты прибыли в Эю, дабы захватить руно, Ээт поставил перед ними несколько заведомо невыполнимых задач и пообещал награду в случае, если они с ними справятся. Ясону предстояло одолеть и запрячь в ярмо огнедышащих быков, засеять землю зубами дракона, а затем победить воинов, прораставших в полном вооружении из этих зубов. Даже если бы Ясон прошел через все испытания и остался невредимым, ему пришлось бы встретиться со смертоносной змеей, охранявшей руно. Однако он все преодолел — благодаря Медее.

Частично текст Аполлония сосредоточивается на магических эликсирах и оберегах, к которым прибегает Медея, дабы обеспечить Ясону победу. Она делает его временно неуязвимым, намазав «Прометеевым зельем», приготовленным из растения с корнем в виде человеческого тела*, — оно выросло там, где пролилась кровь терзаемого орлом титана (возможно, символическая дистанция между Медеей и Прометеем меньше, чем принято считать)¹. Она также устраняет змею, охраняющую руно, усыпив ее с помощью своей фирменной комбинации заклинаний и снадобий. (Колдовской дар у Медеи в крови: она племянница Цирцеи, божественной чародейки, обладающей пугающей способностью превращать своих жертв в животных².) Но для чего Медея помогала Ясону, вероломно пойдя при этом против воли отца? Причина проста: она отчаянно влюбилась после того, как Эрос пронзил ее своей стрелой, вызывающей в человеке страсть. И это привело Медею к разного рода еретическим (и эротическим) поступкам.

* Существует версия, что «Прометеево зелье» Медея изготовила из мандрагоры.
Прим. ред.

Змей лижет зелье. Кратер из Руво, Пулья. IV в. до н. э.

Но задержалась и долго стояла у входа в светлицу —
Стыд ей идти не давал — и затем повернула обратно,
К выходу снова пошла и внутрь опять отступила.
Так бесполезно туда и сюда ее ноги носили*³.

Ее сердце, согласно знаменитой метафоре, использованной Аполлоном, трепещет и танцует, подобно солнечному лучу, отраженному на дрожащей поверхности воды, только что вылитой в ведро⁴. В преддверии состязаний Ясона чувства ее все так же беспокойны.

То про себя говорила, что волшебное зелье
Даст, то твердила, не даст, но сама уже лучше погибнет,

* Пер. Г. Ф. Церетели.

То восклицала, что, нет, не умрет и зелья не выдаст,
Но несчастье свое спокойно выдерживать будет*⁵.

Однако она не умирает и действительно дает Ясону снадобье, тем самым обрекая себя на побег из дома. Несмотря на душевные муки, которые приносит ей разлука, у Медеи нет выбора: она вынуждена оставить Ээта и вместе с Ясоном отправиться на его корабле «Арго» в Грецию. Выбор в пользу любовника становится необратимым в тот момент путешествия, когда преследующие «Арго» колхи, среди которых и брат Медеи Апсирт, настигают беглецов. Медея заманивает брата в ловушку и отводит глаза, когда Ясон убивает его. Такова версия событий, изложенная Аполлоном. В более жутком варианте Медея уничтожает Апсирта собственными руками, расчленяет и бросает останки в море, чтобы колхи остановились подобрать их и из-за этого задержались в пути⁶.

Примечательной чертой многих древних сказаний о Мееде, не только принадлежащих Аполлонию, является постоянно сопровождающая ее потребность в движении: как мы уже видели, поведение ее отличается неугомонностью, она вечно мечется и сомневается (за исключением коротких эпизодов поразительной неподвижности, когда Медея занимается магией)⁷. Однако есть здесь движение и другого рода, более буквальное: когда она вынуждена раз за разом перемещаться из одной географической точки в другую. Портом приписки «Арго» был Иолк (нынешний Волос), который после опасного пути из Колхиды в Грецию стал следующим пунктом назначения Медеи.

Незадолго до этого в Иолке разгорелся династический конфликт, явившийся основной причиной экспедиции аргонавтов. Царь Пелий боролся за трон со своим единоутробным братом Эсоном, отцом Ясона. Видя в последнем потенциальную угрозу, Пелий

* Пер. Г. Ф. Церетели.

Копенгагенский мастер. Медья омолаживает овцу. Атический сосуд для воды. 480–470 гг. до н. э.

придумал для юноши невыполнимое задание: захватить Золотое руно. Пока Ясон отсутствовал, Пелий (согласно одной из версий) пригрозил Эсону смертью, однако тот предпочел самоубийство и выпил смертельную дозу бычьей крови. По другой версии, Эсон остался жив, но власть его узурпировал Пелий⁸. В любом случае история возобновляется с возвращением «Арго», и основное внимание в ней уделяется колдовству Медеи. Она убедила дочерей стареющего Пелия в том, что они сумеют вернуть отцу молодость, если разрубят его на части, которые затем сложат в котел с кипящей водой и особенными травами (чтобы продемонстрировать свои способности, Медея успешно воскресила и омолодила не то овцу, не то Эсона). Однако в случае с Пелием Медея намеренно выбрала неэффективные травы, сделав дочерей виновницами ужасающего коллективного убийства. Метафорически раздробив свою семью в Колхиде, на этот раз она буквально раздробила другую семью. И ей не осталось ничего другого, кроме как уехать снова — теперь на юг, в Коринф⁹.

События, произошедшие в Коринфе, изложены в величайшем произведении искусства, какое когда-либо посвящалось этой плясде мифов, — в трагедии Еврипида «Медея» (431 г. до н. э.). В начале пьесы образ Медеи уже сведен к роли, какую ей часто приписывают в более поздней традиции, — маргиналки, негречанки, очутившейся на чужой земле. У Ясона же, напротив, дела идут совсем неплохо. Отрекшись от Медеи, он обручается с Главкой, дочерью Креонта, царя Коринфа. Последний знает, на что способна Медея, и предлагает изгнать ее вместе с двумя сыновьями, рожденными от Ясона. Убедив Креонта дать ей еще один день, чтобы она могла подготовиться к отбытию, Медея в действительности за это время уничтожает все, что дорого ее мужу. Используя в качестве гонцов своих ни о чем не подозревающих сыновей, она отправляет их к будущей невесте с золоченым венцом и красивым платьем. Едва Главка надевает венец, тот принимается источать огонь, который плавит ее голову; платье же, пропитанное дьявольским ядом,

пожирает ее тело, а также тело Креонта, бросившегося обнимать умирающую дочь. Затем Медея наказывает Ясона еще сильнее, убивая обоих сыновей, чтобы причинить ему невыносимую боль и помешать кому-то другому убить мальчиков, дабы отомстить за Креонта (илл. III на цветной вклейке). Это, однако, не единственная версия мифа. Разные источники сходятся в том, что дети гибнут, но расходятся в причинах и способах убийства. В одном из вариантов сыновья погибают случайно, когда мать пытается наделить их бессмертием¹⁰. В другом — их умерщвляют коринфяне¹¹. Версия Еврипида, считающаяся традиционной (изобретенная, вероятно, им самим), навсегда закрепляет в культуре образ Медеи-детоубийцы.

Однако за содеянное ей предстоит заплатить высокую цену. До убийства детей Медея испытывает очередной приступ мучительной неуверенности: то решается на этот шаг, то одумывается, то вновь собирается с духом. В конце концов ей остается лишь одно. Как только все сделано, последствия наступают незамедлительно — ей необходимо покинуть и это место. Медея улетает на запряженной драконами колеснице, забрав с собой тела сыновей, тем самым не оставляя Ясону возможности оплакать их на могилах. Медея в изложении Еврипида — недосыгаемая, псевдобожественная фигура и одновременно раздираемое внутренними противоречиями человеческое существо.

Другие рассказчики мифов подхватывают историю в той точке, в которой ее закончил Еврипид. Медею ждут еще два перемещения. Из Коринфа она отправляется в Афины, на этот раз одна — Ясон остается лишь дурным воспоминанием. Афинский царь Эгей предлагает ей убежище в качестве *quid pro quo* (услуга за услугу): ей предстоит излечить Эгея от бездетности; этот недуг печалит его, поскольку у него нет законного наследника¹². Медея настолько осваивается в Афинах, что выходит за царя замуж и рождает ему сына Меда, имя которого символизирует в первую очередь роль матери, а не отца в жизни ребенка.

Однако неожиданное появление никому не известного юного странника заставляет Медею вновь стать отравительницей. Она, в отличие от Эгея, сразу понимает, что незнакомец — это Тесей, давно потерянный сын царя от другой женщины. Когда же план по уничтожению этой потенциальной угрозы проваливается, она опять срывается с места — и возвращается в Колхиду. Согласно мифографу Аполлодору, «Медея узнает, что Ээта сверг его брат Перс. Она убила Перса и вернула царство своему отцу»¹³. Круг замыкается: в финале находится начало. Или не совсем... В частности, существует вариант, где Медея после своей смерти выходит замуж за Ахилла на елисейских полях*¹⁴. Правда, это едва ли звучит убедительно для тех, кто считает Медею богиней, то есть бессмертной. Но в греческом мифе практически всегда есть место «другой истории».

Прежде чем мы оставим миф о Мееде в том виде, в каком его рассказывали греки, полезно будет посмотреть на картину в целом¹⁵. Две центральные темы здесь — эмоциональная тяжесть повторяющихся побегов и боль от предательства (Ээта — Медеей и Медеи — Ясоном). Пожалуй, менее очевидным, но не менее значимым является мотив преемственности поколений среди мужчин. Династические конфликты между Ясоном и Пелием, а также между Ээтом и Персом — это один пример; другой касается наследия Эгея: перейдет оно Меду или Тесею? Сквозь эту историю проходит образ сильной и опасной женщины, способной управлять другими — и даже самим временем, благодаря необыкновенному умению омолаживать. Из ее действий невозможно вывести хотя бы какую-то упрощенную мораль (да и позволяет ли это сделать греческий миф?). Но один примечательный факт заслуживает отдельного внимания: Медея, по-видимому, остается ненаказанной за целую серию убийств. Трактовать это можно по-разному. Если

* Елисейские поля (то же, что элизиум) — в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна и куда попадают после смерти выдающиеся герои, любимцы богов. *Прим. ред.*

акцентировать внимание на квазибожественном превосходстве Медеи — что ж, боги и богини в нравственном смысле занимают пространство, недоступное смертным, а потому пользуются вседозволенностью там, где смертным пришлось бы нести неизбежное наказание. Если же мы, напротив, подчеркиваем человечность Медеи — то и при этом условии не каждое преступление ведет к наказанию (по крайней мере, в реальном мире). В любом случае в череде своих скитаний Медея страдает душевно, и это повторяется из раза в раз, несмотря на ее мастерство манипулятора. Она вынослива, изобретательна, вероломна и опасна, но вместе с тем уязвима: изгой, который временами играет первую скрипку и господствует над другими. Это впечатляюще парадоксальное сочетание будет неоднократно и многими способами обыгрываться позже.

Для римлян Медея остается одним из наиболее эмоционально сильных персонажей во всей мифологической системе. Овидий неоднократно рассказывает ее историю в разнообразных поэтических жанрах — в частности, примечательно вымышленное письмо от Медеи Ясону в его собрании «Героиды» («Героини»). Не менее звучно голосом Медеи говорит Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), написавший трагедию «Медея», где жестокость и страдания превосходят даже накал страстей, которого достиг Еврипид: в конце драмы сбегающая убийца выбрасывает тела детей из летучей колесницы туда, где остался их отец, заставляя последнего воскликнуть:

Лети среди эфира беспредельного:

Ты всем докажешь, что и в небе нет богов*¹⁶.

И в этом еще один парадокс личности Медеи: сам факт, что она способна совершить подобный сверхъестественный побег,

* Пер. С. Ошерова.

предполагает наличие в ней божественного. Видна также ее зависимость от богини Гекаты, к которой она взывала ранее в пьесе, чтобы упрочить собственное колдовство. Ясон в версии Сенеки может чувствовать и говорить так, словно богов не существует — что вполне понятно ввиду его тяжких личных страданий, — но истина едва ли так проста.

Медея фигурировала как в визуальной, так и в литературной культуре Рима. Овидий упоминает любопытный факт: в римских жилищах среди разных неоднозначных предметов можно найти портреты Медеи «с глазами убийцы» — взгляд, который мы все еще можем видеть на сохранившихся образцах¹⁷. Один из способов «читать» эти изображения — воспринимать их как послание (ориентированное на мужскую аудиторию): посмотрите, что случается, когда опасная женщина выходит из-под контроля¹⁸.

После Античности

Пересказы эпох Средневековья и Возрождения разнообразят и усложняют историю Медеи, изложенную греками и римлянами. В зависимости от того, на чем делается акцент в той или иной версии, содержание мифа меняется неожиданным, а иногда и противоречивым образом.

Давайте для начала обратимся к паре примечательных народных сказок — из Тосканы и Венеции — конца XIII века¹⁹. На обратном пути из Колхиды Ясон бросает Медею на острове, подобно тому как Тесей вероломно покидает Ариадну на Наксосе. Однако вскоре сюжет принимает другой поворот и более не напоминает историю Ариадны. Оставленная Ясоном Медея беременна двойней. Она рождает детей без чьей-либо помощи, после чего в течение трех лет борется за выживание, питаясь одними кореньями и травами. Однажды проходящее мимо судно подбирает ее и привозит туда, где ныне живет Ясон, женившийся на дочери местного царя. Страшная месть Медеи превосходит все то, что описано классиками. Ей мало убить своих сыновей — она